

Ирина Фингерова

Рассказ про одного священника

9 марта, в субботу, мы проснулись позже, чем того требовала наша совесть. Я заварила кофе по-польски, для ленивых, насыпала две ложки в полосатую чашку и залила кипятком. Мы молча жевали размякшие хлопья и пялились в квадрат окна, по очереди выхватывая и называя по имени птиц. Я – зоолог, он священник, который мечтал стать зоологом. В лабораторию не берут. Пробовала работать в школе, но дети – идиоты. Андрей дожидается места в женском монастыре. Религиозные самки, говорят, самые опасные представители вида. Представительницы. Интересно, зоологи должны уважать феминитивы?

В итоге записались в коралловый клуб. Сетевой маркетинг. Работа из дома, не для души и не для денег, но зато при деле. Мама довольна. Моя. У него родителей нет. Слава богу, сирота. Так прорезюмировал мой отчим. Он человек верующий. Батюшка ему сказал, что мне хорошо бы замуж, с Андреем познакомил. Идеальный кандидат. Из родных – только Отец. Он в кумовья проситься не станет и во время застолья лишнего не хлебнет. На том и порешили. Раз уж я зоолог, делать нечего, только замуж выходить.

Из ноута доносились гнусавые голоса Симпсонов, мы довели просмотр сериалов за едой до уровня условного рефлекса. Без гомерического хохота Гомера и саксофонного соло Лизы не выделяется желудочный сок. Потому что... а вдруг нам не о чем будет поговорить за тарелкой супа? Молчать? Мы вместе всего три года. Я почувствовала насыщение задолго до того, как тарелка опустела, и надеялась, что Андрей за мной доест. Мы никак не можем научиться выбрасывать еду. Как вообще можно вырасти нормальным человеком, если бабушка, сметая крошки

со стола, кладет их в рот? Хлеб нельзя выбрасывать. Ничего нельзя выбрасывать. Голод – не шутка. Шутки для лентяев и богачей.

– Я должен тебе кое-что сказать, – Андрей поставил на паузу, вздохнул и отложил тарелку в сторону, – даже лучше, показать, – он встал, повернулся ко мне спиной и потянул вниз пижамные штаны.

– У тебя опять болючий прыщ, – предположила я, но так и зависла на полуслове, когда Андрей обернулся.

– Он исчез, – Андрей в отчаянии схватился за голову! – пронулся, а *его* нет! – Андрей нервно хихикнул. – Нет – и всё!

– Исчез, – я кивнула и уставилась на бледный волосатый треугольник между ног, за которым ничегошеньки не болталось, – куда же *он* мог деться? Надо маме позвонить, она все-таки врач...

– Только не маме!

– Может, *он* вернется? Ты везде искал? – я утрированно заглянула под стол.

Андрей юмор не оценил.

– Заткнись! – Андрей кинул в меня яблоком. – Прости. Мне всего тридцать. Штукатурка сыпется, кран сломался, еще это...

– Мама давно говорила сделать ремонт...

– Это здесь ни при чем! При чем тут это? Мы молодые. Все хорошо. Почему *он* взял и исчез? Так же не бывает! Хочешь, я помою яблоко?

Я жевала чистое яблоко.

Андрей плакал.

Мне было стыдно. Столько людей в мире живут, ну почему это случилось именно с ним? С нами? Не от меня же *он* сбежал в конце-то концов?

Со временем мы приспособились. Оформили подписку на нет-фликс, научились закидывать фисташки в рот, лежа на спине, хвалить мамин пирог со шпинатом в два голоса по средам, играть в классики во дворе вместе с 11-летней Катей, мечтать о том, что когда-нибудь у нас будет Катя. Знать, что Кати не будет, пока *он* не вернется. Знать, что *он* не вернется, но думать, что нам все равно. Мы выше этого. Сильнее. Читать Ричарда Докинса (научный атеист. – **Прим. авт.**) перед сном и верить, что все в этом мире можно объяснить, а то, что объяснить нельзя, – лучше отложить

в «черный ящик». Научились кусаться, царапаться, щипаться, засыпать, обнявшись щиколотками, коленями и подбородками. Я устроилась в зоопарк. Арт-директором. Организовываю экскурсии для школьников, соблезную приматам. Если вижу кого-то из прихода, прячу глаза. Не знаю почему. Да, Андрея все-таки взяли в женский монастырь. Не любят они меня там. Надеюсь, хоть месячные свои в термос с чаем ему не подольют. Шутки шутками, а всякое бывает. Мама уже все уши прожужжала. У подружки ее так мужа увели...

Я делала все, чтоб *он* вернулся.

Искала по мусоркам, барам и бабам. Регулярно брила лобок (слышала, хорошая примета), заказала на амазоне пояс с болтающимся черным фаллосом (ну а что, люди же носят протезы, если им оторвало ногу на войне), делала Андрею массаж ершиком для унитаза (неиспользованным, я все-таки зоолог, имею представление о санитарии), кусалась, кричала, плакала, подолгу смотрелась в зеркало, приседала каждый день по сорок пять раз...

Иногда *он* возвращался. Я никогда этого не видела. Только слышала.

Андрей рассказывал, что почувствовал *его* присутствие, когда ехал в трамвае. После проведения детального опроса я вычислила, что в забитом и тесном общественном транспорте дышится Андрею отменно. В двери он столкнулся с девушкой в спортивном костюме, на плече у нее висел чехол для теннисных ракеток и несколько мячей. Лица он не запомнил. Неприятных черт не заметил. Вышел на следующей же остановке и побегал в общественный туалет проверить, всё ли на месте. Любовался, но недолго. Слил воду, а *его* как не бывало!

Я купила теннисные ракетки. Это так глупо. Надела спортивный костюм. В моем лице тоже нет неприятных черт! Не помогло. На ужин мы ели ризотто с грибами. Я много болтала, я начала учить испанский. Андрей собирает какое-то продвинутое лего. Я говорила о том, о сем и все вспоминала лицо жирной кассирши в супермаркете. С двумя бородавками на щеке. Беременной кассирши. Нельзя быть такой злобной... Но кто-то же ее трахает? Ну почему *он* сбежал? И не расскажешь же никому... Даже маме. Скажет, это я виновата. Не уследила. От хорошей жены член ни-

когда не сбежит! Точно, ему кто-то месячных в термос подлил. Последнее время я ем по ночам сладкое. Мне не нравится мой живот. Вчера выдернула уродливый волос из соска. Сколько там уже этот волос? Может, в нем все дело?

Частные детективы от дела отказались, полиция заявление приняла, но так никто и не перезвонил. Пришлось идти к врачу.

Заплеванная лестница, стены в трупных пятнах, кислый больничный запах. Так *он* точно не вернется. Никто не любит белые халаты. Хотя если помог спортивный костюм... Кто знает.

– Мы ищем андролога, – обратилась я к коренастому мужчине в медицинской пижаме.

Андрей угрюмо молчал и не смотрел на меня.

– Второй этаж, – санитар хлопнул Андрея по плечу. – Ты чего как неродной?

От него несло луковым потом и табаком.

– Идем-идем, – я поспешила зайти вовнутрь.

Андрей мог годами копить раздражение и подавлять гнев, но как только плотина прорывалась – попадало всем. Я чувствовала, что он сейчас взорвется от напряжения.

Мы зашли в кабинет номер 13. В окружении многочисленных фаллосов из керамики, папье-маше и глины на черном кожаном кресле восседал круглый, как мяч, врач. В белом халате и шапочке с логотипом «Левитра». Он поглаживал роскошные усы, напоминающие усы великого мистификатора по имени Сальвадор и записывал что-то в свой блокнот, еще до того, как мы успели представиться.

– Здрасти. У меня член исчез, – без обиняков сказал Андрей.

Доктор попросил его раздеться, лечь на кушетку и повернуться на бок. Надел одноразовые перчатки и жестом показал мне отойти за ширму.

Они беззвучно копошились около десяти минут.

– Анализы будут готовы через неделю, – доктор снял перчатку, придвинул мусорку ногой, нажал на педаль и выкинул использованный латекс, – мне думается, что физиологических причин нет. Когда возникла проблема?

– 9 марта в 13:00, – воскликнули мы одновременно.

Доктор внимательно на нас посмотрел.

– Выкиньте все часы и календари, что есть в доме, – он снял шапку и обнажил лысоватую голову, как будто собирался сказать что-то еще, но передумал, – а теперь шуруйте.

В тот вечер я впервые позволила себе рассмотреть бледный волосатый треугольник поближе. Тонкие нити просвечивающихся вен. Кожу, покрывающуюся мурашками от моих прикосновений. Почувствовала мучительную пустоту. Куда же *он* мог деться? Мы же всюду искали. И тогда я прислонилась к нему губами, набрала побольше воздуха и подула! Получился оглушительно смешной звук.

Андрей смотрел на меня несколько секунд, застыв в немой обиде, а потом расхохотался.

Это был первый раз, когда нам удалось вместе посмеяться над тем, что *он* исчез.

И тогда я сказала ему, заговорщически подмигнув в лучших традициях малобюджетных фильмов:

– У тебя есть и другие части тела.

И рассказала о том, что иногда представляю, что он умер, чтоб у меня было право изменять ему с бывшим парнем. Мы оба знатные толкинисты и иногда встречаемся, чтоб выпить кофе и бросить друг другу пару-тройку томных взглядов.

А он рассказал, что чувствует себя так, как будто его заживо похоронили и засыпали влажной мокрой землей, от одной мысли, что я – его единственный партнер на всю жизнь. Что я зоолог, блин. Что я должна понимать, что в природе не существует моногамии. А он священник. И он не должен так считать. Блин. Что эта квартира так давит, так давит то, что ее купила моя мама, купила, выбрала мебель и вручила нам ключи, как будто почку. И Ричард Докинз достал, и Платон достал, и Библия... И ничего не понятно, ни как жить, ни как *его* вернуть, ни даже как пользоваться микроволновкой, если нет инструкции. К жизни нет никаких инструкций, а люди приходят исповедоваться, а что делать? Молчать? Помогает, но самому так хреново...

А я рассказала, что в детстве меня возбуждало, как мои родители занимались сексом и влажно хлюпали через гипсокартонную стену. Это было так отвратительно, что меня тошнило, но я жадно прислушивалась... А он рассказал, каких усилий стои-

ло ему хранить девственность до брака и сколько тонн салфеток похоронено вместе со слипшимися журналами под его кроватью.

А я рассказала...

А он рассказал...

Однажды утром *он вернулся*. Или вечером? Я не помню, какого это было числа. Мы выбросили все календари и часы из дома. За анализами не пошли, забыли. И стену тоже перекрасили.

Но самое главное, никаких больше Симпсонов за обедом.

